

STALKER

Игорь Соловьев

[ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЬБЫ]
ТРОПАМИ ПРОШЛОГО

Апокалипсис-СТ

Игорь Соловьев

**Перекрестки судьбы.
Тропами прошлого**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соловьев И. А.

Перекрестки судьбы. Тропами прошлого / И. А. Соловьев —
«Издательство АСТ», 2019 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-115085-3

Чернобыльская зона отчуждения, 2007 год. Бывший пограничник Сергей Сокольских по прозвищу Птица оказывается втянутым в водоворот чрезвычайных событий. Чтобы выйти из рокового положения, Сергей должен провести старыми тропами научную группу к интересующей ее цели. Однако Зона отнюдь не так пуста, какой кажется на первый взгляд. И пусть еще нет в ней гонов мутантов и кровавых войн группировок, однако тропы уже полны опасностей. Но страшнее всего люди, готовые зайти слишком далеко ради своих целей и интересов.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-115085-3

© Соловьев И. А., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Анатольевич Соловьев

Перекрестки судьбы. Тропами прошлого

© Соловьев И., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

«Они имеют власть затворить небо, чтобы не шел дождь на землю во дни пророчествования их; и имеют власть над водами, превращая их в кровь, и поражать землю всякою язвою, когда только захотят. И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улицах великого города...»

Откровение от Иоанна

Глава 1

– Признаться, Сергей, задали вы нам задачку. – Человек, который представился Птице майором специального корпуса американской армии Джейкобсоном, улыбнулся и постучал остро заточенным карандашом по столешнице. – Совершенно определенно вы рассматривались нами как внедряемый агент ЭФЭСБЭ. – Он так и сказал: «ЭФЭСБЭ».

Сергей Сокольских по прозвищу Птица слушал и не перебивал. Майор только начал говорить, и самое интересное было впереди:

– Это ваша внезапная помощь нашим сотрудникам, когда вы выскочили как чертик из табакерки и уложили всех этих бандитов. Ваша странная биография, а точнее, трудовая деятельность после армии. Деятельность, которую трудно проверить из-за бардака, что творился в 90-х в государственных структурах новой России. Ко всему прочему вы еще и проходили срочную воинскую службу в рядах ФСБ...

Тут Сергей не выдержал и перебил:

– А вот тут вы не правы. Я никогда не служил в ФСБ.

– Да? Но ведь вы бывший пограничник? Позвольте, я прочитаю выдержку из вашей автобиографии: «Гаджико-афганская граница, мотоманевренная группа, годы службы 1999–2001». Все верно?

– Да, это я писал, и что?

– А разве пограничная служба не входит в состав комитета государственной безопасности, то есть, простите, теперь – ЭФЭСБЭ?

– Пограничная служба с 94-го года являлась самостоятельной структурой, – уточнил Сергей. – Да, несколько лет назад все это упразднили, и она опять вошла в состав органов госбезопасности. Но я напомним, что служил с 1999 по 2001 год, и в этот период пограничники не имели отношения к ФСБ.

– Сергей, – майор мягко улыбнулся. – Вы же понимаете, что это формальности. В вашей, как вы выразились, «структуре» старшим командным составом всегда были офицеры госбезопасности, пусть и временно ставшие «бывшими». А сейчас все вновь вернулось на круги своя.

– Пусть так. – Сергей равнодушно пожал плечами. – Но формально я ни дня не служил в ФСБ. А если бы и служил, то несколько бы этого не стеснялся. Я вообще пока не понимаю сути нашей беседы. За то, что подлагали меня, – спасибо. Впрочем, вы сами в тот день признались, что обязаны мне. Так что мы квиты.

Он до сих пор прокручивал в памяти события недельной давности. Кажется, это был четверг. И погода была тогда чудесная.

В тот памятный ему день идти по лесу было одно удовольствие. Весна в Зоне отчуждения была поздней, и теперь солнце и природа наверстывали упущенное. Радостно щебетали птицы, воздух был наполнен тем особенным ароматом, который появляется с приходом настоящего тепла.

Снег окончательно сошел лишь две недели назад и повсюду: в любой ямке, овраге, ложбинке – стояла вода. Сергей расстегнул штормовку, подставил лицо теплым солнечным лучам. Настроение было отличное.

Из безмятежного расположения духа Сергея вырвал сухо щелкнувший где-то в отдалении выстрел, поднявший с деревьев стайку птиц. В ответ зачастили очередями сразу несколько автоматов Калашникова. Этот звук Сокольских бы ни с чем не спутал. Затем грохнули выстрелы из охотничьих ружей, кто-то закричал. Сергей замер и пару минут прислушивался. На расстоянии в полкилометра от него затухал скоротечный бой. Выстрелы раздавались все реже, теперь работали два или три автомата, уже короткими, скупыми очередями.

Птица решил, что это не армейцы: не было ни гранатных хлопков, ни басовитого рокота пулеметов. «Тогда кто? – подумал он. – Какая-то частная разборка?... Не буду вмешиваться. Не мое это дело».

Но мысль о том, что кто-то вот так же однажды пройдет мимо, когда он сам попадет в беду, сформировалась в острое желание все-таки разобраться в происходящем.

Примерно определив направление, он быстрым шагом, стараясь не выходить на открытые места, двинулся к месту сражения.

На лесной дороге, перед поваленным кем-то, заблокировавшим путь огромным деревом, стояли два автомобиля. Головной «Уаз», видимо, не успел увернуться от падающего гиганта и попал прямо под мощный ствол, который теперь лежал на капоте машины, вмяв его вместе с мотором по самые колеса. Второй автомобиль, армейский «Уаз» «буханка», наверное, попытался сходу объехать препятствие, но, судя по раскрошенному выстрелами лобовому стеклу, шофер был убит, и машина съехала в канаву.

Но уцелевшие в машине бойцы тоже оказались не лыком шиты – парни выскочили, рассыпались в стороны кто куда и успели занять оборону. Только вот явно маловато их было. И будь нападавшие профессионалами, все бы уже давно закончилось. Судя по всему, это были обычные бандиты. Вместо того чтобы из засады методично расстреливать обороняющихся, они сразу же попытались взять уцелевших нахрапом.

Тела четверых налетчиков в разнообразной гражданской одежде лежали на открытом пространстве. Еще четверо прятались за кустами, сидя к Птице спиной, и пытались добить оставшихся защитников колонны. Выживших охранников Сергей разглядеть не мог, но зато увидел мертвых: двух вывалившихся из открытых дверей «буханки» и еще одного чуть поодаль, занявшего явно неудачную позицию возле молодой березки. Все были в армейской форме, но с каким-то необычным камуфляжным рисунком, которого Сергей раньше не встречал. Рядом с трупами валялись новенькие АК-103. А вот бандиты, а в том, что это именно бандиты, Сокольских уже не сомневался, были вооружены кто чем. У двоих в руках он разглядел старые АКМ с деревянными прикладами «весло», еще один был вооружен карабином Мосина, а самый старший, седой, в синем спортивном костюме и дубленке, перезаряжал какой-то короткий, импортный автомат.

Пальба стихла. Седой осторожно поднялся и с одним из подручных медленно двинулся к машинам. Оттуда никто уже не стрелял. Сергей стянул с плеча свое охотничье ружье МР-153. Мягко снял с предохранителя, взял в прицел двух других бандитов. Те уже встали в полный рост и наблюдали за передвижениями Седого, готовые прикрыть своих поделльников, но вот по сторонам они совершенно не смотрели.

Вот седой подошел к первому убитому военному. Откинул ногой его автомат и, подняв ствол своего оружия, выстрелил одиночным в голову жертве. «Проконтролировал, – мрачно подумал Сергей. Седой, не задерживаясь, уже направился к следующему армейцу. – Так, ребята, с вами все ясно. Похоже, пора мне вам немного испортить настроение, киллеры хреновы. Задерживаем дыхание, плавно тянем спуск...»

Бах! Эхо перекатами понеслось вдаль. Пуля вонзилась бандиту под лопатку, и он повалился лицом в землю. А ствол Серегиного ружья уже смотрел на второго отморозка, благо стояли поделнички рядом. Уголовник, вместо того чтобы сразу упасть и откатиться, как это сделал бы профи, начал поворачиваться на выстрел.

Бах! Пуля вошла в шею бандита. Он рефлекторно схватился за рану руками, рухнул на колени, выпучив от удивления глаза, пытаясь понять, что же произошло, а потом мешком завалился на бок. Те персонажи, что двигались к машинам, оказались проворнее. Хотя и времени у них было чуть побольше.

Седой молниеносно перемахнул через кусты, исчезнув из поля зрения Сергея. Тот же, что был с карабином трехлинейки, замешкался. Он вскинул ствол и наугад выстрелил туда,

где, по его мнению, затаился неведомый снайпер. Но, естественно, промазал: пуля ушла сильно выше и вбок. Потом уголовник заметался, решая, куда же ему бежать: то ли вперед, к колонне, где, возможно, еще были живые или раненые противники, то ли же за Седым. Сергей прицелился ему в грудь и дважды выстрелил. Первый выстрел оказался неудачным, а вот второй сработал. Куда именно угодила пуля, Сокольских не видел, зато услышал сочное «чпок», после чего бандит сразу истошно заорал. Пригнувшись и прячась в тени деревьев, Птица перебежал ближе, спрятался за здоровенным, полусгнившим пнем. Перезарядился. Аккуратно выглянул из-за укрытия.

Подстреленный налетчик, опираясь на карабин, поспешно хромал к машинам. Седой активности не проявлял. Это было странно.

Сергей прицелился в хромающую фигуру и потянул спусковой крючок. Бах! Бандиту оставалось пройти до машины всего два шага, после чего он скрылся бы из поля зрения стрелка, но пуля оказалась быстрее. Она ударила уголовника в спину, и он повалился в траву.

Повисла тишина. Сокольских расстегнул клапан противогазной сумки, служившей по совместительству подсумком для боеприпасов, достал новый патрон и дозарядил ружье.

– Эй! – Седой из кустов не высовывался, но решил как-то внести ясность в ситуацию. – Тебе чего надо? Ты кто такой вообще, назовись?

Позиция у Седого была скверная. За кустами его, конечно, было не видно, но зато вокруг него расстилось пустое пространство: дернись он куда-то от своего укрытия, и сразу бы попал под огонь. Сам Седой это отлично тоже понимал, поэтому и решил включить «переговорщика».

– Братан, ты там один, похоже? И ты явно в эту тему откуда-то «слева» влез, так? У тебя же ружье... ты из сталкеров, что ли?

Сергей, не отвечая, по-кошачьи мягко переместился еще ближе, лег на землю и прополз несколько метров, стараясь не покидать зоны прикрывавших его деревьев.

– Ну чего молчишь-то? Ты, если в тему не врубился, знай: они наших ребят на той неделе положили, должок за ними был.

«Ага-ага, должок. Ну-ну. Так, ближе не подойти, слева и справа какие-то канавы с водой, заросшие кустами и стволами мелких елей. Придется в воду лезть. Черт, вымокну, да и услышать может».

– Давай побазарим, уважаемый? Ты, конечно, накосячил сдуру, но если по-незнанке, так я не в претензии. Разулим.

И вот тут Сокольских вдруг услышал тихий плеск, звук раздался справа. Кто-то обходил его со стороны канавы. «Значит, был еще один бандюган, в тылу у оборонявшихся, – понял Птица. – И вот сейчас он осторожно пытается зайти сбоку. Вот почему седой разливается соловьем – ждет, собака, пока его боец зайдет мне в тыл. Отвлекает, значит. Надо бы шансы подравнять. Если Седой поймет, что я их маневр вычислил и включится в бой со своим автоматом, мне придется худо».

– А давай, поговорим, – крикнул Сергей, стараясь прятаться за деревом так, чтобы его не было видно со стороны канавы.

– О! Ну наконец-то! – Седой явно обрадовался. – Я уж было решил, что ты немой или по-нашему не понимаешь. Так что тебе надо? Может, разойдемся миром?

– Давай, хрен с тобой! – подыграл Сокольских. – Только без западла, если уж расходимся, так расходимся, ага?

– Да о чем базар, братан? Я так меркую: мы сейчас с тобой одновременно поднимаемся, без всяких нервных движений, и медленно уходим. Ты налево, я направо. Слово тебе даю, не трону.

– Хорошо. Только ты первый поднимись и руки разведи с оружием, так, чтобы я плохого не подумал.

Седой некоторое время размышлял, потом крикнул:

– Эй, а какие гарантии, что ты не шамальнешь?

– Хотел бы шамальнуть, уже все кусты бы продырявил, ты-то меня не видишь, а вот я твою позицию – как на ладони. Не дрейфь, босо`та, мы же договорились?

Конечно, Птица лукавил: Седого, притаившегося в густом кустарнике, он вообще не видел, и стрелять вслепую было бы глупо. Только бы свою позицию раскрыл. Плохо было то, что заходившего сбоку бандита теперь совсем не слышно было: затаился, наверное, ждал, пока стрелок сам выйдет.

– Ладно, братское сердце, верю тебе! Выхожу. – Седой медленно поднялся из-за кустов.

Дубленка его была заляпана грязью, короткие волосы растрепались. Бандит держал автомат за цевье, чуть отведя руку в сторону, что должно было демонстрировать дружелюбность намерений. Он нашел глазами фигуру Сергея не сразу, а найдя, сильно удивился, явно не рассчитывая увидеть стрелка там, где тот стоял. Широко улыбнувшись, Седой громко сказал:

– Ну вот, видишь, я вышел.

– Вижу, – кивнул Сокольских и, вскинув ружье, дважды выстрелил. Разброс получился большим, одна пуля ударила Седого в бок, а вторая в лицо. Затрещали кусты, подломившееся тело уголовника повисло на их упругих ветках. Тотчас Сергей заметил какое-то движение справа и, ориентируясь на него, добил в листву два оставшихся патрона. Мелькнули белые полоски спортивного костюма, и злобно загрохотал автомат. Пули свистнули совсем рядом с Птицей, выбивая из дерева, за которым он укрывался, кусочки острых щепок и коры. Бросив ружье себе под ноги, Сокольских рванул из-за пояса пистолет Макарова и быстро выпустил наугад, в сторону противника весь магазин. Упал на землю, подтянул за ремень ружье и, привалившись спиной к осине, быстро перезарядил оружие. Сразу же, не давая бандиту времени на какие-либо действия, вновь открыл огонь по низким елочкам и кустам, выпустив все четыре ружейные пули. У канавы послышался громкий плеск, потом еще один, раздалось громкое «бултых», и все снова стихло.

Перезарядился. Прошло минут пять. Все это время Сергей напряженно всматривался в сторону, где по его прикидкам мог затаиться противник. Наконец Птица медленно, очень осторожно поднялся и крадучись двинулся по широкой дуге к канаве. Из чего именно он попал во вражеского стрелка, сразу было непонятно: убитый лежал лицом в мутной желтоватой воде, вокруг тела расплывалось ало-черное пятно. Сокольских поднял из воды автомат Калашникова и снял с ремня убитого холщевый подсумок, в котором, правда, оказалось два уже пустых магазина и, судя по весу, один неполный.

Птица промочил ноги до колена. Но не это было плохо. Он вдруг заметил, что весь левый бок его куртки заляпан липкой кровью. И только тогда почувствовал резко накатившую дурноту и дикую слабость. «Ну вот, кажется, звездец приехал...»

Выбравшись на сухое место, он осторожно отвернул полу штормовки и поднял свитер с майкой. Пулевое отверстие выглядело плохо, края раны вздулись, кровь пульсирующими толчками выходила наружу, заливая одежду. Сергей провел рукой по спине и зашипел от боли. Выходное отверстие тоже было – значит, пуля прошла навывлет. Еще, при движении рукой, с резкой болью перехватило дыхание, что говорило о сломанном ребре.

Самостоятельно перевязать себя он не смог, левая рука уже потеряла подвижность. Пришлось здоровой рукой облить рану обеззараживающей жидкостью, отчего Сергей чуть не потерял сознание. Потом, помогая себе зубами, он распотрошил перевязочный пакет, закрыл рану с обеих сторон бинтом и залепил кое-как пластырем.

После этих процедур Птица посидел немного, собрался с силами и, наконец, пошел к машинам. Ружье стало бесполезным, так как действовать двумя руками он теперь не мог, так что пришлось опять вооружиться пистолетом. Пальцы левой руки еще сгибались, и он даже сумел перезарядить ПМ.

«Странные автомобили. – Он только теперь это понял, когда подошел ближе. – Вроде бы обычные, армейские, но все же чем-то отличаются. Ага, всякой навесной ерунды полно. Вон на приваренных креплениях какие-то плоские ящики сбоку висят. Но не военные, хоть и зеленые. Аппаратура, что ли, какая? Так... Мосты у машин высоко подняты, для повышенной проходимости, лебедки, сетки какие-то. И вот еще что... – Он только сейчас разглядел бумаги под стеклами. – Что-то по-английски написано, так-так, „специал техник“, дальше непонятно, так, „депортментс“. Фиг поймешь, что-то специальное техническое, какого-то департамента. Научники, что ли?»

Стараясь не приближаться к трупам, он подошел к «буханке» и резко распахнул боковую дверь, переместившись в ту же секунду в сторону настолько быстро, насколько позволяло ранение. Внезапно из машины раздался испуганный голос:

– Пожалуйста, могу я попросить вас не стрелять?

Фраза была построена несколько странно, хотя русская речь была правильной. Но все же Птица уловил в ней какой-то почти незаметный акцент.

– Стрелять не буду, – сказал, стоя за дверью, Сергей. – Тех, кто в вас стрелял, больше нет, выбирайтесь.

– Я не могу выбираться. – Голос звучал немного сдавленно. – На мне лежат два тяжелых солдата. Наверное, их убили, потому что они не шевелятся.

Сергей осторожно заглянул в салон. Там действительно лежали два тела в военной форме, на которые ко всему прочему свалилось какое-то оборудование – блестящие ящики с множеством ручек, индикаторов и кнопок. Стенки кузова были испещрены пулевыми отверстиями, а в самом салоне висел тяжелый запах крови.

Сокольских убрал пистолет за пояс и здоровой рукой, морщась от боли в боку, стал откидывать ящики в сторону. Справившись кое-как, он сумел немного оттянуть в стороны убитых, из-под которых выбрался полный человек в такой же, как на мертвых, военной форме. Вот только по тому, как мешковато она на нем сидела, по кедам и еще ряду мелочей, Сергей моментально понял, что перед ним стопроцентный гражданский.

– Марек Зелиньский, сотрудник научного департамента, – представился человек. Потом обвел глазами место побоища и, побледнев, произнес: – Святая Дева...

– Марек... – пробормотал озадаченно Сергей. – Поляк, что ли?

– Истинно так, надеюсь, вы не имеете предубеждений к подданным польского государства? Мы тоже славяне, – зачем-то добавил толстяк.

– Я одинаково хорошо отношусь ко всем. Главное, чтобы сам человек был хороший. И у меня, кстати, дед наполовину поляк был.

Тут Птица начал чувствовать, что теряет силы. На лбу выступила испарина. Он смахнул капли пота и вытер руку об штаны.

– Умеешь водить машину, подданный польского государства?

Марек Зелиньский беспомощно посмотрел на автомобиль:

– Такую, наверное, смог бы. А она поедет?

Машина не поехала. Кто-то из банды хорошо наспиговал мотор пулями. На траву уже натекло прилично масла, шел пар из пробитого в нескольких местах радиатора, были видны и другие повреждения. Второй «Уаз» не стоило даже рассматривать, настолько скверно он выглядел под упавшим деревом.

– У бандитов наверняка была своя машина. Не пешком же они сюда пришли. – Сергей привалился к колесу, стараясь не тратить силы понапрасну.

– Где же она? – Поляк вопросительно посмотрел на Сокольских.

– Спрятали где-то поблизости. Искать надо. Пойдешь?

Марек явно не горел желанием отходить от Сергея, тостяк чувствовал себя очень некомфортно в этом скверном, пропитанном смертью месте.

– Может, просто вызовем подмогу? – попытался уклониться от поисков Зелинский.

– Да? А как? По телефону позвоним? Так тут нигде не ловит, сам знаешь же. Или, может, покричим? – Сергей почувствовал раздражение.

– Зачем же делать такую нелепицу... у нас есть специальная связь через спутник. Он пролетает наверху, и мы через это говорим. Не через вышки связи.

– Дааа? – Несмотря на то что Сокольских чувствовал себя все хуже, он не смог не сыронизировать. – А почему ты сразу им не воспользовался, этим пролетающим наверху спутником?

– Я не имел такую возможность. Спутниковый телефон был у Гжегоша, в первой машине. А меня завалило телами во второй.

– А сейчас имеешь такую возможность? – Птица выжидающе посмотрел на Марека.

– Я сейчас взгляну. – Тот торопливо побежал к головному «Уазу».

Сергей услышал, как хлопнула дверца, а потом поляка шумно вырвало. Наверное, картинка перед ним открылась та еще.

«А все-таки, он молодец! – мысленно похвалил поляка Сокольских. – Держится, хоть и гражданский техник. Другой бы скис уже, столько трупов вокруг, самого чуть не убили. Не каждый день такое увидишь».

Через некоторое время Марек вернулся. Он заметно побледнел, но сразу же сообщил:

– Связь работает, я уже вызвал помощь. Будьте крепким, пожалуйста, они скоро здесь будут.

«Скоро» затянулось на 43 минуты. Сергей засек время по наручным часам. Он успел несколько раз погрузиться в забытие, а когда приходил в себя, видел сидящего рядом Марека.

Последний раз Птица очнулся от того, что Зелинский радостно тряс его за рукав и показывал на подъезжающие «Камазы» защитного цвета. Из них выпрыгнули военные, пара фигур в штатском и, что особенно важно, несколько человек в медицинской форме, с чемоданчиками первой помощи в руках. Лишь после этого сталкер ослабевшей рукой поставил пистолет на предохранитель и позволил себе потерять сознание.

Глава 2

– И все-таки... – Джейкобсон отложил карандаш в сторону и, сцепив пальцы рук в замок, наклонил голову вперед. – Многое указывает на то, что вы внедряетесь как агент. Но... это настолько нелепый способ, что наши аналитики не могли свести концов с концами. Профессионалы так не действуют, а мы относимся к своим коллегам из эФЭСЭБэ и ЭсВээР с должным уважением, чтобы счесть столь топорную работу за настоящее внедрение. Может быть, вас использовали втемную? – Он задумчиво пошевелил пальцами. – Нет, тут тоже не сходится. Пока вы были на излечении, мы собрали о вас кое-какую информацию. Среди ваших товарищей по ремеслу нет никого, кто бы проходил у нас в разработке как сотрудник органов госбезопасности или агент внешней разведки.

Сергей мысленно прокрутил в голове все сказанное майором: «Выходит, они уже успели проверить „Морозки“, сталкерский лагерь, в котором я полгода обитал. Значит, у них есть там информаторы. Интересно – кто? Лагерь большой. Получается, у штатовцев и к нам уже дорожка протоптана. Хотя... чему удивляться?»

– Ваши предполагаемые кураторы... я сказал «предполагаемые», Сергей, не хмурьтесь. Так вот, ваши гипотетические кураторы не могли не понимать, что мы не введем в свой штат человека с таким сомнительным прошлым, даже если он помог нашим сотрудникам. Кстати, вы так никого и не вспомнили из нападавших? Может быть, видели кого-то из них раньше?

– Вы уже два раза задавали мне этот вопрос. – Сокольских потер переносицу, его начала утомлять эта беседа. – Конкретно этих я никогда раньше не встречал. Стопроцентные уголовники, таких тут хватает, к сожалению.

– Да, расходный материал, – согласился майор, но как-то двусмысленно: хочешь так понимай, хочешь эдак.

– Вы знали сталкера по имени Ацтек? – потянувшись к стоящему на столе кофейнику, внезапно сменил тему Джейкобсон. От Сергея не ускользнул цепкий, очень внимательный взгляд собеседника.

«А Ацтек тут причем?» – Сокольских удивился и даже не посчитал нужным этого скрыть.

Конечно, он знал Ацтека, в миру – Леню Сологуба, мужчину с явной примесью южной крови, у которого отец был то ли венгром, то ли болгарин. Ацтек был одним из первых серьезных сталкеров, с которыми познакомился Сергей, попав в «движение».

Леонид Сологуб был среди прочих, научивших новичка тому необходимому минимуму, без которого сам Серега так бы и болтался в категории «поди-подай» или, что вероятней, стал бы кормом для диких животных. И было это не то чтобы очень уж давно, но, по ощущениям, как будто вечность минула...

К настоящему моменту Сергей уже знал всю хронологию событий. После 1986 года, когда на Чернобыльской АЭС произошла авария, и вплоть до начала 90-х в Зоне отчуждения ничего экстраординарного не происходило. Пожар ликвидировали, сама станция продолжала работать, эксплуатируя три из четырех уцелевших энергоблоков. Но в середине 90-х из Зоны, как говорили все местные, «жахнуло снова». Приборами была зафиксирована мощнейшая электромагнитная вспышка, эпицентр которой установить не удалось, но он определенно находился в Зоне отчуждения. Зону накрыло облаком пыли, характер появления которого выявить также не представлялось возможным. А самое неприятное было в том, что Зона выросла в размерах. Ее границы раздвинулись, внезапно радиацией зафонили участки местности, которые раньше не входили в огороженный периметр. Именно после этих событий стали появляться первые, немногочисленные еще, аномалии и артефакты. Сначала никто не понимал их природы и сути, но позже, когда артефакты стали попадать в исследовательские институты различных стран, выяснились удивительные вещи. Какие-то свойства данных предметов позволили совершить

глубокий прорыв в области физики и химии, иные сумели принести пользу в медицине. Даже рак чуть ли не на последней стадии сумели вылечить благодаря особенно ценным экземплярам. Что там к чему – было не очень понятно, но одно стало ясно: на закрытой территории ЧАЭС возник новый Клондайк, постсоветское Эльдorado.

Это был «золотой век» сталкерства. Рассказы именно об этих временах когда-то послужили причиной для его собственной поездки в Зону. Сюда потянулся самый разнообразный люд: бывшие золотоискатели, авантюристы, работяги. Даже несмотря на то, что военные боролись со сталкерами всеми доступными методами, пытались остановить утечку информации, сведения о Зоне потихоньку просачивались в большой мир, а артефакты уходили в основном «налево».

Тогда правительство Украины пошло на ряд серьезных мер. В кратчайшее время вокруг Зоны было возведено кольцо защитных сооружений с бетонными заборами, вышками, фортификационными блокпостами. Все подходы к ним густо опутали колючей проволокой, пустили напряжение, периметр напиговали минами. Всех сталкеров начали брать на заметку. Формально они вообще были вне закона, но... они оказались нужны.

По той же самой причине когда-то в Советском Союзе была разрешена частная добыча золота. Маленькие крупицы при должном усердии и личной заинтересованности обычных старателей превращались в ощутимые ручейки, пополнявшие золотой запас империи.

Вот только сталкерство было гораздо более рискованным занятием, чем золотодобыча. Аномалии, участки повышенного радиационного фона делали этот промысел смертельно опасным. И еще творилась какая-то нехорошая мистика вокруг всего этого, чертовщина, которая возникала то тут, то там в Зоне. «Старатели» подчас гибли или просто исчезали без вести. Как отдельные люди, так и целые группы. Военные в Зоне сопровождали научные экспедиции, но бюрократическая машина была тяжела и неповоротлива: бесчисленные согласования, малый опыт работы в новых условиях – все это делало процесс изучения не слишком эффективным.

И тут на арену вышли сталкеры. Неподотчетный, на сто процентов расходный человеческий материал, жаждущий наживы и независимости. Они в одиночку ходили в те области, куда снаряжать официальную экспедицию пришлось бы месяц, а то и более. А потом приносили оттуда такую информацию и артефакты, ради которых определенно стоило потерпеть их сталкерское существование. К закату этих событий и поспел Птица.

На Большой земле остались проблемы, неустроенность быта, неоправдавшиеся после армии надежды на счастливую жизнь. Добрые люди дали ему контакты тех, кто переправлял желающих подзаработать в Зону. Старенький бежевый «Фольксваген» в объезд военных блокпостов привез Птицу в бывший дачный поселок «Октябрьский». В далеком теперь 2005 году это была отправная точка всех новоявленных сталкеров. Здесь начиналась их новая судьба. Сергей особенно удивился тому, как их, старателей, много. Под две сотни человек, наверное. Многие приезжали с подругами или семьями. Было много одиночек и мелких групп, не живших в общине, а промышлявших сами по себе и неведь где обретающихся. Из поселка сталкеры добирались до кордона, который переходили по выкопанному подземному туннелю, словно немецкие нелегалы, шаставшие из Восточного Берлина в Западный и обратно. Туннель был добротный, широкий, сухой и чистый, с аккуратными деревянными подпорками. Имелось там даже электрическое освещение в виде цепочки строительных фонарей в сетчатых колпаках. Откуда запитали кабель, Сергей так и не понял. В Зону ходили за хабаром, который состоял, как правило, из самых разных предметов, созданных человеческими руками, но получивших в силу неведомых причин странные свойства. Та самая электролампочка, которую Сокольских когда-то нашел на заброшенном торфобрикетном заводе, была из числа как раз таких вот предметов. Сергей так и не понял волшебных свойств лампы, но ее неплохо сторговали, заплатив сумму, которая Птице на первых порах очень пригодилась.

Третий всплеск активности Зоны был чудовищным. Выжили только те, кто находился непосредственно в «Октябрьском» и в иных немногочисленных местах по окраинам Зоны, там, где было хоть какое-то укрытие. За несколько дней до катастрофы животные стали вести себя неадекватно. Они пытались покинуть пределы периметра, гибли на минах, увязали в проволочных заграждениях. Это был какой-то невероятный, стремительный исход. За час до выброса небо заволочило грозowymi тучами. Они клубились и вращались над всем огромным пространством Зоны как фантастический водоворот. Там, высоко в облаках, то и дело сверкали молнии, окрашивая чернильно-темные небеса в розоватый и сиреневый оттенки. Стаи птиц металась в воздухе и гомонили как сумасшедшие. Потом разом вдруг исчезла вся связь, мобильные телефоны показывали «отсутствие сети», проводная связь и радиостанции ничего, кроме шипения и потрескивания, не воспроизводили. А потом люди увидели нестерпимо яркую разрастающуюся вспышку, откуда-то из центра Зоны поднялась на километровую высоту стена пыли, неудержимой волной покотившаяся к границам отчуждения. И лишь затем грянул гром. Он был таким сильным и неотвратимо нарастающим, что не было никаких сомнений – случилась беда.

Сквозь окна и щели укрытий спрятавшиеся люди наблюдали, как все вокруг залило оранжевым светом, словно само солнце упало на землю. Потом пошел дождь, и наступила тишина. Границы Зоны выросли в несколько раз. Часть блокпостов просто перестала существовать – недавно возведенные укрепления вдруг неузнаваемо изменились, словно постарели, как будто им махом прибавили лет по тридцать. Судьба находившихся там бедолаг оказалась печальной: кого-то нашли мертвым, а кто-то просто исчез. Одежда, оружие – все это было на своих местах, а вот сами тела пропали, будто их никогда и не было. Примерно то же самое случилось с персоналом научных станций и баз обеспечения. Людей как корова языком слизнула. Почти все сталкеры, что были в этот момент в Зоне, разделили их участь. Те, что вернулись, редкие счастливики, ничего конкретного добавить не смогли: «Увидели вспышку, услышали шум, отсиделись. Когда выбрались, словно в другой мир попали». А вот количество аномалий и артефактов выросло в разы. Только собирать их теперь было почти что и некому.

Тогда Сергея и взяли в оборот ветераны. Водили с собой, учили его всему, что сами умели и знали, а если чего не знали, тому учились вместе. Каждый человек с растущими из плеч руками был на счету.

Военным было не до них, они поспешно строили новый периметр. Скрывать случившееся от мировой общественности было уже невозможно, и представители вооруженных сил все больше отбивались от потока журналистов да пытались не дать просочиться всякому странному дерьму, которое полезло в мир из новой Зоны отчуждения.

В этих условиях возник новый ажиотаж вокруг поиска и сбыта артефактов. Появилось очень много самых разных личностей, которые не стремились совершать опасные рейды вглубь темной территории, а хотели перехватить хабар у возвращавшихся оттуда промысловиков. Мутные настали времена. И без того большой риск вырос многократно. В лагеря и на стоянки сталкеров зачастили барыги-скупщики. Неизвестными заказчиками стали организовываться какие-то частные экспедиции по добыче чего-то необычного. Завертелись большие деньги, а где большие деньги – там и смерть. Ох, много тогда полегло брата-сталкера, и в основном то были новички.

Но всему приходит конец. Этой вольницей занялись военные, достроившие к этому времени свою великую «китайскую стену». В их организации тоже произошли определенные перемены. Во-первых, Зона стала уже глобальным мировым явлением, выйдя за пределы юрисдикции Украины. С ним теперь разбирался Международный общественный совет, в который вошли наиболее развитые страны: США, представители Евросоюза и России. Белоруссию тоже не забыли. В данный котел хотели проникнуть и азиаты – Китай с Японией, но их вежливо завернули. Оно и понятно, желающих делить барыши и так было с избытком. А барышами

были те самые артефакты и явления, природы которых мировые ученые пока не могли объяснить. Но перспективы открывались поразительные.

Впрочем, несмотря на централизованную общность в деле изучения Зоны, каждая из стран-участниц пыталась урвать что-то для себя лично. Оказаться впереди этой гонки было делом государственной важности. Несмотря на это явно не афишируемое желание каждой из сторон, в Зоне теперь работало несколько общих международных научных станций, а охраной занималось Объединенное военное командование – ОВК. Солдаты и офицеры набирались по принципу миротворческих сил ООН, в самые разные подразделения, несущие дежурства вахтовым методом.

Когда были сформированы новые должности, получены служебные квартиры и автомобили, выделены и распределены финансовые потоки, новое руководство ОВК решило закрыть гайки сталкерству как явлению. «Что еще за сталкеры? Кто такие? А ну-ка, разогнать этих разбойников к едрене фене!» Какой-то дуболом отдал приказ, и самый крупный из промысловых лагерей, расположенный в том самом дачном поселке «Октябрьский», раскатали в мокрый блин. Как метлой прошлись по нему и окрестностям из реактивных минометов, а то, что не сгорело, развалила гусеничная бронетехника.

Правда, самих сталкеров и их семей там уже не было, вовремя предупредили хорошие люди. Словно партизаны, сталкеры ушли в леса и целую зиму провели в землянках. Ту зиму Сокольских запомнил надолго. Холод, сырость, необустроенность. Темнота блиндажей, грубые лавки из плохо оструганных досок. Там где не хватало фонарей, использовали самодельные коптилки, мастерили обогреватели. А главное, частенько приходилось спешно сниматься с обустроенных мест и идти куда-нибудь строить лагерь заново. Над Зоной периодически барражировали вертолеты, которые через тепловизоры и прочие приборы пытались отыскать следы новой сталкерской стоянки.

Военные бы делали это эффективней, да вот только над Зоной теперь так просто не полетать было. Аномалии самого разного характера появлялись даже в небе, и гибель нескольких экипажей поумерила пыл командования. Летали теперь редко и осторожно.

И все равно это была поганая зима, да и в целом год. Отсутствие горячей воды в нужном количестве, нормальной калорийной пищи и витаминов, тяжелые земляные работы и постоянная угроза со стороны Зоны, бандитов, военных – все это заметно выкосило ряды сталкеров, и их деятельность резко снизилась. Какой уж тут хабар, выжить бы!

Разумеется, через какое-то время этот упадок дал о себе знать. Набивавшие обороты исследования вдруг скатились чуть ли не до первоначального уровня. Стало остро не хватать образцов и материалов. Страховки и контракты официальных представителей общественного совета, ученых и солдат делали экспедиции с ними неэффективными. Работники стремились не столько выполнить свою работу, сколько, найдя какой-либо повод, увильнуть от нее, получив тем не менее положенные материальные бонусы.

Многие безгранично преданные делу ученые горели желанием возобновить работу по изучению Зоны, но вот только доставлять материал для опытов в необходимом количестве было попросту некому.

И вот тогда опять вспомнили о сталкерах. Вернее, старую как мир пословицу: не можешь бороться с явлением – возглавь его.

Кровожадный пыл военных пошел на убыль. Немногочисленных оставшихся опытных сталкеров перестали гонять по Зоне, как зверя на охоте. Их подняли, отряхнули пыль, помахали перед носом пачкой денег и предложили новые условия.

Отныне все желающие заниматься сталкерством должны были получить индивидуальный номер, каждую свою вылазку документировать и составлять отчет, все находки сдавать в научные лагеря – лично или через посредников на сталкерских базах.

Официально сталкерам было запрещено использовать автоматическое стрелковое и тяжелое вооружение, а также ручные гранаты. Разрешались только охотничьи образцы и полуавтоматы. Насчет короткоствольного оружия ничего сказано не было, и это можно было понимать как «не возбраняется». Но на деле матерые промысловики носили и пистолеты-пулеметы, и автоматы, и гранатами вооружались. На это власти закрывали глаза, действительно полезным и успешным сталкерам многое прощалось. Чтобы как-то восполнить уменьшившуюся популяцию «дешевой рабочей силы», власти даже приоткрыли калитку для новых адептов «сталка». Не широко, а так, протиснутся и не более. Ученые привозили кого-то под видом сезонных рабочих. От военных же новички попадали с колоннами строительного снабжения. Были еще какие-то экзотические схемы, но подробностей Сергей не знал.

Прибывшие появлялись как под своими именами и фамилиями, так и под вымышленными. Кем они на самом деле были в большом мире, знали, вероятно, только «купцы», как называли тех, кто занимался переброской в Зону новичков. Царил принцип французского легиона: не важно, кем ты был, важно, кем ты теперь станешь. Но, честно говоря, фамилии тут были мало кому интересны. Под ними разве что запомнились те, первые сталкеры, которые застали начало всего этого движения.

В среде сталкеров стали популярны прозвища, клички, «погоняла». Под ними они были известны окружающим. Впрочем, официальные же власти идентифицировали всех по личным номерам, по ним же собиралась информация и статистика о персональном владельце.

Следующим сюрпризом от властей стал запрет на использование личных телефонов. Нет, не то чтобы запрещено было иметь мобильные телефоны, которые к этому времени получили в мире широкое распространение. Просто ОВК что-то нашаманило в настройках то ли спутников, то ли передающих вышек, но гражданская связь в пределах новой Зоны пропала. Вообще. Трубками сотовых телефонов теперь можно было разве что гвозди забивать, хотя именно для этого они не слишком-то годились. Та же участь постигла Интернет. Он, конечно, был, но какой-то очень урезанный, почти как в Китае. Выходить в Сеть можно было только под личным номером, на строго ограниченное время по автоматически генерируемому паролю. К большей части всемирной паутины доступ был закрыт, работали лишь некоторые информационные сайты, переводчики, библиотеки и прочее. Вся электронная почта с внешним миром премоде-рировалась. Оставались военные и туристические радиостанции, но они были сильно ограничены радиусом действия. Да, вновь стала актуальной проводная телефонная связь, но функционировала она в основном между базами, поселениями и научными центрами. К тому же была она ненадежной: то провод почему-то рвался, то просто в трубке одно потрескивание слышалось.

Тем не менее нет худа без добра. Почти втрое было уменьшено количество откровенно бандитского элемента, к этому времени всех уже изрядно доставшего. Ряд специальных мероприятий, расследований и облав позволил вывести под корень самые крупные и беспредельные банды. Остальные на время поутихли и затаились.

Исчезли почти все левые скупщики хабара. С этим власти поработали особенно серьезно. Теперь товар можно было нести или ученым, или двум-трем официальным торговцам с лицензией. Понятное дело, при такой конкуренции цены на артефакты сильно упали. А кому еще понесешь? Вот то-то, приходилось сдавать находки по той цене, которую назначал скупщик. А он формально руководствовался спускаемым «сверху» прайс-листом, а на самом деле своей совестью. И не у всех она была, между прочим. Можно было, конечно, поторговаться, но так, по мелочи, скорее для профформы и соблюдения ритуала торговли.

Зато были бонусы. Через закрытую централизованную базу особенно продуктивным в работе сталкерам стали набегать какие-то дополнительные премии, называемые просто – бонусами. Характер их формирования никто из трудяг не знал, но иной раз они сильно радовали своих счастливых владельцев. Появилось и еще одно важное новшество – задания. Теперь

научники формировали запросы на поиск и добычу каких-то конкретных артефактных предметов. Зато и платили, как правило, больше.

Еще были всякие особые поручения: сходить в такую-то область и померить там радиационный или электромагнитный фон, заснять что-нибудь на кинокамеру (ее и прочие приборы выдавали под расписку), снять пробу грунта, воды, измерить силу ветра. Обычно это выглядело так: нужно было прийти в определенный район, установить на штатив видеокамеру, подключиться к Зоннету (так окрестили местный Интернет) и действовать согласно командам оператора, который в режиме реального времени руководил научными процедурами.

«Возьми вон те две колбы, перелей в них содержимое из ампулы синего цвета. Не спеши! Во вторую больше налил, нужно, чтобы одинаково было... Теперь в правую насыпь серый порошок из пакетика с буквой „X“. Осторожнее сыпь! Теперь взболтай и подожди, пока осядет. Хорошо, теперь лопаткой возьми немного грунта с земли и добавь в каждую пробирку. Отлично, теперь поднеси к объективу камеры то, что там у нас получилось. Нет, подальше отойди, фокусировки нет. Ага, вижу. Все, можешь возвращаться».

Порой нужно было воткнуть в землю штырь с какой-то электронной начинкой и активировать его кнопкой. А иногда просто побывать в каком-то месте и вернуться, после чего ученые в костюмах защиты, надетых поверх белых халатов, сначала долго ходили вокруг сталкера с какими-то приборами, потом облепляли его блестящими датчиками на проводах и производили снятие нужных параметров. Вот эти последние задания были особенно не популярны в среде сталкеров, так как те чувствовали себя самыми настоящими лабораторными крысами. Добровольцев на такие походы было немного, и со временем ученые стали маскировать эти «квесты» под какую-нибудь обычную работу – забрать или положить в требуемую область якобы некий прибор, померить температуру почвы и прочее. И лишь по возвращении, когда умники в защитных костюмах, обступали бедолагу, «жертва» понимала, зачем ее на самом деле посылали.

Отдельным положительным эффектом стала общая карта аномалий и нехороших мест. Формировалась она из сведений, добываемых сталкерами в своих экспедициях. Существовала как печатная версия, так и электронная, находившаяся в компьютерной базе ученых. Электронная была гораздо более актуальной, там, в постоянном режиме, согласно самым свежим данным, появлялись и исчезали пятна радиационных заражений, аномалий и прочих неприятных «вещей», что могли бы погубить человека. Да, радиация теперь тоже «двигалась», и это был сюрприз из сюрпризов. Повышенный фон сохранялся во всей Зоне повсеместно и никуда не исчез, но помимо этого возникли кочующие очаги радиоактивных частиц с каким-то особо убийственным количеством рентген.

Глава 3

Ацтек! Сильный сталкер. Опытный, с фантастическим чутьем, энергичный, целеустремленный. Он хорошо понатащал Птицу на жизнь в Зоне, со всеми ее зловещими особенностями. Да что там, они ведь были соседями, в том самом «Октябрьском», деля старую, но крепкую дачу на двоих. У них был взаимовыгодный, профессиональный тандем: Сергей учил Ацтека военной специфике, почерпнутой за время службы в пограничной мотоманевренной группе: основы следопытства, выживание в условиях дикой природы, умение находить минные ловушки, тактические хитрости боя.

В свою очередь, Леня Сологуб объяснял Сокольских принципы успешной работы в условиях Зоны: какие бывают аномалии, как их распознать, примерный принцип появления артефактов, а также основы местной географии, то есть где и как можно ходить, а куда соваться ни в коем случае не стоит.

В силу разности характеров они не стали друзьями, между ними было мало общего. Сологуб – не терпящий возражений лидер, подстраивающий весь окружающий мир под себя и свои цели. Не эгоистичный, нет, но внутренне убежденный, что все должно быть так, как решил он, Леонид. А все прочие мнения – неправильные. Сокольских, напротив, мало того что был интроверт по натуре, так еще подсознательно не терпел над собой ничьей власти и старался пресекать любые попытки влияния на себя. По этой же причине ему было тяжело когда-то принять армейские порядки. Но продержался, отслужил достойно, и теперь становится вновь «салабоном» у него не было никакого желания.

В общем, по-человечески два сталкера друг друга воспринимали нормально, но потом разбежались. Ацтек увлекся какими-то дальними вылазками в самые дремучие дебри Зоны, а Птица стал работать в небольшой, но слаженной группе промысловиков. Иногда виделись мимоходом, но Ацтек изменился. Стал мрачным, замкнутым, нетерпеливым и упрямым больше прежнего. В последний раз Сергей повстречал Сологуба возле рынка, в чайхане – местной Мекке, где так любили отдыхать труженики «сталка» после очередной экспедиции.

Разговор тогда получился странным. Сологуб сам подсел к Птице, который ел шашлык из говядины и запивал его зеленым узбекским чаем.

– Привет Птица. – Ацтек был хмурым и задумчивым. – Приятного аппетита, кстати.

– Благодарствую, Леня. Ты куда пропал-то? Не видно тебя совсем. – Сергей был в хорошем настроении, чему способствовал прием горячей, толково приготовленной пищи.

– Не важно. – Сологуб отмахнулся и нервно застучал по столу костяшками крепко сжатых пальцев. – Ты вот что, помнишь, мы прошлым летом к распределительной станции ходили? Ну, там еще волки нас чуть не погрызли, в сумерках?

Сергей удивился, случай тот он, естественно, помнил, но странная нервозность бывшего напарника, его общее мрачное настроение начали передаваться Сокольских.

– Ну, помню, конечно, а что?

Ацтек посмотрел по сторонам, не слышит ли их кто-нибудь, затем прикрыл рот ладонью, словно бы опасался, что окружающие умеют читать по губам, и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.